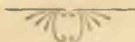

І. Орбели.

Развалины Ани.

—
Исторія. Современное состояніе. Раскопки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Развалины Ани.

Ани—развалины древняго города на Кавказѣ, въ Карсскомъ округѣ, Карсской области, на правомъ берегу р. Арпа-чай, въ древности называвшейся Ахуряномъ и впадающей въ р. Араксъ; Ани расположенъ въ 6—8 верстахъ отъ ст. Ани Эриванской жел. дор. и въ 35—40 в. отъ г. Александрополя, Эриванской губ.

I.

Ани—столица Арменіи. Таково обычное опредѣленіе пустынныхъ развалинъ нѣкогда цвѣтущаго города. Опредѣленіе это, хотя и общепринятое и общепонятное, нисколько не выражаетъ ту выдающуюся роль, которую нашъ городъ игралъ въ исторической жизни Арменіи и всего Кавказа.

Ани никогда не былъ столицей *всей* Арменіи. Кромѣ того, такихъ центровъ какъ Ани въ различныя эпохи было

нѣсколько, Ани изъ нихъ самый молодой и, какъ столица, самый кратковѣчный. Въ теченіе наиболѣе продолжительнаго періода своей жизни Ани былъ не столицей, а только большимъ торговымъ, промышленнымъ и культурнымъ городомъ, резиденціей не царей, которыхъ во внутренней Арменіи тогда уже не было, а лишь мѣстныхъ правителей, при томъ въ большинствѣ—иноземныхъ.

Исторію города Ани формально можно дѣлать на два періода: періодъ господства мѣстныхъ армянскихъ владѣтелей и періодъ иноземнаго владычества. Но это дѣленіе чисто вѣшнее. По существу съ переходомъ Ани въ руки иноземцевъ внутренняя жизнь его мало измѣнилась. Слѣдуетъ оставить устарѣлое и ошибочное мнѣніе, что расцвѣтомъ Ани была эпоха Багратидовъ, что позднѣйшая жизнь города была лишь его умираніемъ. Паденіе армянской династіи въ Ани отнюдь не вызвало собой паденіе мѣстной культуры; оно явилось лишь моментомъ перелома, впрочемъ не слишкомъ крутого, такъ какъ дальнѣйшая жизнь Ани была лишь естественнымъ развитіемъ началъ предшествовавшей эпохи. Несмотря на иноземное господство нисколько не утерялся чисто мѣстный

обликъ города, въ изобилии воспринявшаго богатые результаты культурнаго творчества сосѣднихъ народовъ. Расцвѣтъ Ани относится къ той порѣ, когда армянскіе цари изъ вновь выступившей династіи Рубеняновъ сидѣли въ отдаленной Киликіи.

Ани, по сравненію съ другими большими городами древней Арменіи, имѣетъ особенную цѣну и особенное значеніе. Наилучше сохранившійся, онъ наилучше же извѣстенъ намъ по исторіи. Глубоко изучивъ Ани, его памятники и его исторію легче всего подойти къ древне-армянской жизни, легче всего ее понять. Не говоря уже о многочисленныхъ надписяхъ, разнообразныя вещественныя находки, знакъство съ жилищами и домашней обстановкой аницевъ проливаютъ свѣтъ на ту сторону жизни, о которой мѣстные древніе историки хранятъ гробовое молчаніе. Имѣя такое большое значеніе для характеристики жизни Арменіи, Ани представляетъ не меньшій интересъ и для общей исторіи ближняго Востока, особенно — въ полный переломный періодъ отъ XI в. до XIV в. Къ тому же, эта важная эпоха, по сравненію съ другими моментами, представлена въ Ани наиболѣе полно. Ани пре-

красно сохранилъ въ своихъ развалинахъ фѣзиономію большого средневѣкового города; въ настоящее время онъ является единственнымъ изъ древнихъ переднеазиатскихъ городовъ, умершимъ такъ давно, что онъ не успѣлъ нисколько исказиться подъ вліяніемъ условій новой жизни. Наконецъ, анійскіе памятники, характеризуюя рядъ эпохъ въ развитіи армянскаго искусства, представляютъ высокую цѣнность для исторіи всѣхъ родовъ чистаго и прикладнаго искусства; не будь ихъ, многія черты искусства, не только Армении, но и всей Передней Азии и Византии, ускользнули бы отъ науки.

II.

Когда былъ основанъ Ани—неизвѣстно. Несомнѣнно только, что его начало относится къ самой глубокой древности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего его имя *Ани*. Объясненія, связывавшія это названіе съ именемъ богини Анаиты, храмъ которой будто бы находился тутъ, должны быть оставлены: слово *Ани* по самой формѣ своей относится къ гораздо болѣе древней порѣ жизни Армении, Грузіи и прилежащихъ странъ; оно не индоевропейскаго происхожденія и должно

быть толкуемо въ связи съ названіемъ одного народа.

Единственнымъ реальнымъ свидѣтелемъ того времени является довольно обширный могильникъ, скрывающій обожженные или ободранные и раздробленные кости древнѣйшихъ обитателей города, тогда, разумѣется, только поселка. Могильникъ этотъ находится въ одной верстѣ отъ городища, на гумнѣ турецкаго селенія Ани. Предметы, находимые тутъ, принадлежать къ типу тѣхъ кавказскихъ доисторическихъ древностей, которыя обыкновенно датируются VIII—VII вв. до Р. Х. Это время — древнѣйшая извѣстная намъ дата жизни Ани. Другихъ памятниковъ отъ этой эпохи ни въ Ани, ни въ его ближайшихъ окрестностяхъ пока не найдено.

Слѣдующимъ извѣстнымъ намъ моментомъ жизни Ани является V в. по Р. Х., когда Ани нѣсколько разъ выступаетъ въ исторіи въ качествѣ крѣпости. Онъ входилъ тогда въ составъ владѣній могущественнаго армянскаго рода князей Камсаракановъ, твердо сидѣвшихъ въ этой мѣстности и уступившихъ Ани не силѣ оружія.

Камсараканы прекрасно выбрали мѣсто для сооруженія крѣпости. Вершина треугольника, на которомъ рас-

положенъ Ани, защищенная съ двухъ сторонъ недоступными обрывами глубокихъ ущелий р. Ахуряна и Аниской рѣчки, съ третьей стороны представляла достаточно узкое пространство, что бы его можно было хорошенько укрѣпить; Камсараканы оставили намъ массивную крѣпостную стѣну (обнаружена раскопками), сложенную изъ огромныхъ плитъ дикаго камня, скрѣпленныхъ желѣзными скобами. Въ то же время Ани, находясь на одномъ изъ наиболѣе важныхъ торговыхъ и военныхъ путей, являлся превосходнымъ стратегическимъ пунктомъ. При Камсараканахъ Ани былъ только крѣпостью; неизвѣстно даже, служилъ ли онъ резиденцией хотя бы нѣкоторыхъ членовъ этого сильнаго рода.

Ани получилъ значеніе города лишь послѣ того, какъ онъ оказался въ рукахъ пришлаго (вѣроятно—изъ страны лазовъ), но щедро одареннаго созидательной силой рода Багратидовъ или Багратуни, какъ они назывались въ Арменіи. Удивительно многочисленныя, энергичныя и неутомимыя члены этого обширнаго рода всюду, куда только они являлись, умѣли объединять разрозненныя мѣстныя силы и создавали болѣе или менѣе крупное цѣлое. Ширакское армянское царство, высту-

павшее какъ таковое въ IX в., было всецѣло плодомъ трудовъ Багратуніевъ; то силой оружія, то просто покупкой Багратуніи постепенно увеличили тутъ свои владѣнія; въ числѣ купленныхъ областей къ нимъ отошла отъ Камсаракановъ и мѣстность, гдѣ находится Ани.

Вначалѣ Багратидское армянское царство было однимъ изъ равноцѣнныхъ княжествъ, нѣкоторыя изъ которыхъ имѣли достаточно силы, чтобы бороться съ нимъ; а другимъ изъ нихъ суждено было даже значительно пережить Ширакское царство. Но только одному Шираку удалось сплотить вокругъ себя всѣ остальные княжества, только Ширакской столицѣ удалось стать идейнымъ центромъ большей части Арменіи.

Ани не сразу сдѣлался резиденціей Багратуніевъ; изъ Багарана (какъ и Ани восходящаго къ глубокой древности), гдѣ они впервые обосновались, Багратуніи переселились въ Еразгаворъ или Ширакаванъ, нынѣ сел. Шурагелы. Но ни Багаранъ, ни Ширакаванъ не могли сравниться по своему значенію съ Ани, во время ихъ расцвѣта продолжавшимъ быть лишь крѣпостью, сильнымъ оплотомъ и надежнымъ убѣжищемъ на случай опасности.

Первымъ Багратуніемъ, провозглашеннымъ царемъ Ширака, былъ князь князей Ашотъ, начальствовавшій надъ армянскими войсками. Это было въ 887 г. Присвоенный ему всѣми мѣстными князьями титулъ армянскаго царя былъ признанъ за нимъ византійскимъ императоромъ, а халифъ прислалъ ему черезъ своего намѣстника царскую корону. Нѣтъ надобности останавливаться на его правленіи, какъ и на царствованіи его сына и преемника (съ 891 г.) Смбата Миродержца, при которомъ страна сначала обрѣла было полный покой и благосостояніе. Впослѣдствіи осложненія въ отношеніяхъ съ мусульманскими эмирами, вызванныя тяготѣніемъ Ширакскаго престола къ Византіи, привели Смбата къ гибели; послѣ нѣсколькихъ войнъ, веденныхъ съ перемѣннымъ счастьемъ онъ въ 914 г. былъ взятъ въ плѣнъ эмиромъ г. Двина и распятъ на деревѣ.

Племянникъ Смбата Ашотъ, провозгласившій себя царемъ и шаханшах'омъ, т. е. „царемъ царей“, былъ изгнанъ въ 921 г. законнымъ наслѣдникомъ, поддержаннымъ Византіей, Ашотомъ III Желѣзнымъ, унаслѣдовавшимъ отъ своего предшественника титулъ шаханшах'а; этотъ титулъ, воспринятый отъ сасанидскихъ государей,

съ тѣхъ поръ былъ сохраненъ армянскими Багратидами.

Въ 930 г. Ашота Желѣзнаго смѣнилъ Абасъ, царствование котораго было ознаменовано не только отраженіемъ явившихся съ сѣвера „сарматскихъ“ полчищъ, но и мирнымъ строительствомъ и развитіемъ научныхъ занятій ученыхъ богослововъ и историковъ. При Абасѣ возвысились два пункта— Карсъ (гдѣ сидѣлъ Абасъ) и Ани, послѣ его смерти ставшіе отдѣльными престолами.

Ашотъ IV, занявшій анискій престолъ въ 954 г., за свое отношеніе къ калѣкамъ и убогимъ и за устройство больницъ и страннопріимныхъ домовъ получилъ прозвище Милостиваго. Въ его правленіе Ани впервые приобрѣлъ внѣшній видъ города: въ 964 г. была сооружена линія городскихъ стѣнъ съ многочисленными башнями; со временемъ Ашота связана постройка нѣсколькихъ выдающихся зданій. При Ашотѣ IV армянская пѣхота входила въ составъ войскъ византійскаго императора Іоанна Цимисхія въ его войнѣ съ болгарами и русскимъ княземъ Святославомъ.

Правленіе Смбата II, смѣнившаго своего отца въ 977 г., оставило въ Ани наиболѣе значительный слѣдъ;

имъ были построены городскія стѣны, охватывавшія Ани значительно болѣе широкимъ кольцомъ, чѣмъ стѣны Ашота; это наглядно показываетъ быстрый и неуклонный ростъ города. Неудачная попытка захватить Карсъ и участіе въ войнѣ грузинскаго царя Баграта и правителя области Тао куропалата Давида съ абхазскимъ царемъ не отразились внѣшне на благосостояніи Ани. Внезапная смерть Смбата (990 г.), понесшаго, будто бы, небесную кару за рядъ тяжкихъ злодѣяній, открыла ворота столицы брату Смбата Гагику, до того не имѣвшему права вѣзда въ Ани.

При Гагикѣ I (990—1022 гг.) анииское царство достигло наивысшаго расцвѣта. Увѣренный въ своей силѣ Гагикъ, котораго историки рисуютъ мощнымъ, храбрымъ, воинственнымъ и удачливымъ, позволялъ себѣ пренебрегать милостивымъ отношеніемъ даже могущественнаго Василя II, императора Византии; Гагикъ не вышелъ къ нему навстрѣчу, когда другіе восточные властители наперерывъ спѣшили къ нему на поклонъ во время его путешествія на Востокъ и съ гордостью принимали раздаваемые имъ придворные титулы. Гагикъ сознавалъ себя шаханшахомъ, сознавалъ свою задачу, какъ собирателя и объединителя армянской

земли; ему было ясно большое значеніе совершившагося при немъ присоединенія къ анійскому царству обширной области Ташира и части Карталинїи; онъ сознавалъ себя „царемъ армянъ и грузинъ“, поскольку грузинскія земли входили въ предѣлы его царства.

Не выходя на поклонъ къ Василію, Гагикъ въ то же время быстро и рѣшительно обуздалъ клеветническіе замыслы своего племянника Абусанла, отобравъ у него большую часть владѣній; такъ же быстро и тѣми же мѣрами онъ привелъ въ повиновеніе и другого племянника, Давида Гургеновича, попытавшагося было провозгласить себя автономнымъ.

Несмотря на всѣ эти войны, а можетъ быть именно въ силу этихъ войнъ, Гагикъ существенно облегчилъ положеніе своихъ подданныхъ сложеніемъ цѣлаго ряда налоговъ и податей.

Въ царствованіе Гагика выдвинулся рядъ ученыхъ, среди нихъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ армянскихъ историковъ, Стефанъ Таронскій. Лучшимъ памятникомъ строительства Гагика является круглый храмъ въ Ани (1001 г.); жена Гагика Катрамида закончила постройку анійскаго собора, начатаго еще Смбатомъ II.

Гагикъ — единственный армянскій царь (если не считать киликійскихъ), отъ котораго до насъ дошло портретное изображеніе: статуя, найденная въ раскопкахъ круглаго храма.

Насколько при Гагикѣ I аніискій престоль возвысился и окрѣпъ, настолько же при его сынѣ и преемникѣ слабоумномъ Іоаннѣ Смбатѣ онъ унизился и расшатался. Самое начало правленія Іоанна Смбата ознаменовалось междоусобицей съ братомъ Ашотомъ, которая была улажена лишь при помощи грузинскаго царя Георгія I. Вскорѣ тотъ же Георгій, подъ влияніемъ наговоровъ, захвативъ Смбата врасплохъ, отобралъ у него три крѣпости. Въ то же время и Ашотъ, окруженный въ своихъ владѣніяхъ сильными врагами, лишь опираясь на византійскія войска смогъ сохранить свое небольшое наслѣдіе.

О состояніи полного развала, царившемъ въ Ани, достаточно свидѣтельствуеетъ исторія патриарха-католикоса Петра, покинувшаго изъ-за счетовъ съ Смбатомъ свой престоль и бѣжавшаго изъ Ани; онъ былъ схваченъ и посаженъ въ темницу по приказанію царя.

Въ 1042 г. почти одновременно умерли оба брата Смбатъ и Ашотъ. По разсказу историковъ, бездѣтный

Іоаннъ Смбатъ, пользовавшійся византійскими милостями, завѣщалъ свое царство Византіи. Къ этому времени и въ Царьградѣ и внутри Арменіи образовалась значительная армянская византинофильствующая партія, достаточно сильная, чтобы предпринять рѣшительные шаги для захвата Ани. Во всякомъ случаѣ, она оказалась сильнѣе всѣхъ другихъ партій, одна изъ которыхъ стояла за сохраненіе родной династіи, другая за отдачу города во власть царей Грузіи. Въ томъ же году сильное греческое войско появилось подъ стѣнами столицы Багратуніевъ. Въ битвѣ, происшедшей у праваго анійскаго ущелья (Цвѣтнковаго), греки были разбиты благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ престарѣлаго военачальника князя Вахрама Пахлавуни и его партіи, сумѣвшей на время крѣпко сплотиться. Этой же партіи былъ обязанъ способный, но слишкомъ юный Гагикъ, сынъ Ашота, тѣмъ, что на собраніи князей, происходившемъ на площади у анійскаго собора, онъ былъ провозглашенъ царемъ и тутъ же помазанъ. Но еще до того анійскій вышгородъ былъ занятъ византійской партіей во главѣ съ княземъ Саргисомъ вестомъ. Гагикъ его выманилъ оттуда и схватилъ, но не надолго: скоро онъ

самъ попался въ ловушку. Положившись на клятвенныя обѣщанія византицевъ, Гагикъ II отправился въ Царьградъ, но тамъ насильственно былъ вынужденъ отказаться отъ аніискаго царства, получивъ незначительную компенсацію. Впослѣдствіи, въ 1079 г. онъ былъ убитъ греками.

Въ 1044 г. греческія войска заняли, однако же не безъ боя, Ани, навсегда переставши быть столицей армянскаго царства.

Ани сталъ резиденціей византийскихъ намѣстниковъ. Нѣтъ надобности перечислять всѣхъ катепановъ, какъ они назывались. Въ 1053 г. мы застаемъ катепаномъ Ахарона, бывшаго правителя Васпураканскаго; имя Ахарона связано съ возобновленіемъ и улучшеніемъ аніискаго водопровода, тянувшагося на 12 верстѣ.

Нужно сказать, что византийскіе правители прилагали много старанія къ тому, чтобы поддержать Ани на высотѣ прежняго цвѣтущаго положенія, какъ путемъ покровительства торговымъ сношеніямъ, такъ и путемъ облегченія нѣкоторыхъ податей и налоговъ. Они не оставили безъ вниманія и внѣшній обликъ Ани. Въ 1059 г. были произведены строительныя работы въ вышгородѣ, возобнов-

лена какая то часть дворца; судя по той великолѣпной греческой надписи, которая была вырѣзана по сему случаю, работы были болѣе или менѣе значительныя. Были приняты мѣры и для лучшаго укрѣпленія города: поддержана и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заново облицована стѣна Смбата; этимъ можно объяснить присутствіе на угловой западной башнѣ греческаго креста.

Въ то же время греки и въ Ани и въ Византіи держались все время насторожѣ, видимо поминутно ожидая возмущенія въ Ани и его отпаденія. Незначительный сравнительно греческій гарнизонъ не смогъ бы удержать городъ въ покорности. Однако византійцы не боялись замѣщать должность анійскаго намѣстника и не греками; катепанъ магистръ Аһаронъ былъ болгаринъ, послѣдніе два соправителя—Багарать Вхкійскій и Григорій Бакурянъ—грузины; впрочемъ этотъ Григорій, выдающійся византійскій политическій дѣятель, сыгравшій не послѣднюю роль въ Комниновскомъ переворотѣ, былъ собственно огрузинившійся армянинъ-халкедонитъ.

Грекамъ было суждено вскорѣ навсегда потерять Ани. Въ 1065 г. несмѣтныя полчища сельджукскаго султана Али-Арслана окружили со всѣхъ

сторонъ Ани; Алп-Арсланъ зашелъ сюда въ своемъ побѣдоносномъ походѣ, бывшемъ продолженіемъ завоевательной дѣятельности его брата Тогрула. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Ани стойко держался подъ защитой р. Ахурина и превосходныхъ стѣнъ. Только одна сторона была нѣсколько слаба, но и та не поддавалась натиску неприятеля, благодаря отчаянной оборонѣ. Алп-Арсланъ будто бы даже отчаялся взять городъ и собирался отступить, когда преступная чрезмѣрная осторожность Багарата и Григорія погубила все. Заботясь о своемъ спасеніи и о сохраненіи вышгорода оба правителя заперлись въ верхней крѣпости, прервавъ сношенія съ городомъ. Это нагнало страшную панику на населеніе. Алп-Арсланъ воспользовался смятеніемъ и въ праздникъ Богородицы, ворвавшись въ Ани, предалъ его ужасному разрушенію и разграбленію. Между прочимъ была разбита роскошная люстра, украшавшая соборъ и купленная царемъ Смбагомъ за баснословную сумму; съ купола собора былъ совлеченъ и отвезенъ въ Нахичевань серебряный крестъ, вышиною въ ростъ человѣка. Не буду повторять преувеличенные рассказы историковъ о кровожадности Алп-Арелана, будто бы выку-

павшагося въ крови спеціально для сего зарѣзанныхъ тысячи человекъ.

Въ 1072 г. эмиръ г. Двина Абу-л-Суваръ купилъ у Алп-Арслана Ани. Съ этого времени начинается новая эра жизни нашего города; даже древніе историки считаютъ этотъ моментъ началомъ возрожденія Ани. Дѣйствительно, династія Шеддаидовъ, къ которой принадлежалъ Абу-л-Суваръ, сыграла весьма крупную роль въ исторіи Ани, съ этого времени получившаго значеніе города, какъ такового, самостоятельной независимой единицы. Курдская по происхожденію династія Шеддаидовъ по женской линіи роднилась съ Багратуніями, и, такимъ образомъ, въ глазахъ анійцевъ ея правленіе должно было являться возрожденіемъ царства Багратидовъ. Шеддаиды, прежде всего Мануче, сынъ Абу-л-Сувара, будучи номинальнолишь представителями персидской власти, фактически не признавали своей зависимости и держали себя въ Ани самостоятельными государями.

Расцвѣтъ Ани, начавшійся при Шеддаидахъ, несомнѣнно стоялъ въ связи съ общимъ развитіемъ городской жизни въ мусульманскихъ странахъ Передняго Востока. Съ особенной силой теперь должна была проявиться наблюдавшаяся и раньше разноплеменность на-

селенія Ани, не мало способствовавшая созданію художественныхъ памятниковъ XII—XIV вв., носящихъ явные признаки сильнаго воздѣйствія ирано-мусульманскаго искусства. Все это разноплеменное населеніе жило одной общей жизнью; трехъязычная надпись съ анійской мечети является реальнымъ свидѣтельствомъ объ этомъ мирномъ сожительствѣ. Нѣтъ надобности излагать подробно отдѣльные моменты жизни Ани въ этотъ періодъ; какъ это ни странно, именно въ это время наибольшаго культурнаго творчества Ани пережила наибольшія превратности.

Несмотря на внутреннюю связь, бывшую между населеніемъ и Шеддадидами, они не всегда могли удержать въ своихъ рукахъ городъ. Сознаніе внѣшней опасности было достаточно сильно; заботы Шеддадидовъ о сохраненіи за собою Ани сказались и въ тѣхъ существенныхъ обновленіяхъ, которымъ подверглись въ это время городскія стѣны; крѣпостное строительство Мануче удостовѣряется не только характеромъ и способомъ кладки этихъ дополнительныхъ стѣнъ, но и соответственными надписями. Но даже за этой мощной оградой Шеддадида не могли себя чувствовать вполне безопасными. Не помогали и мудрыя государствен-

ныя мѣры Мануче, приложившаго старанія къ возвращенію жителей, разбѣжавшихся послѣ Алп-Арслановскаго погрома. Усилившаяся въ это время Грузія заявила свои права, и въ 1123 г. благодаря расположенію значительной части населенія къ христіанскимъ сосѣдямъ, царь Грузіи Давидъ Строитель захватилъ сына Мануче Абу-л-Сувара, освободилъ Ани отъ мусульманскаго владычества и оставилъ тамъ въ качествѣ правителя своего сына. Анійцы съ большой радостью приняли грузинъ и немало помогли захвату ими города; они были слишкомъ возбуждены противъ Абу-л-Сувара, не дорожившаго своимъ городомъ и даже имѣвшаго намѣреніе продать Ани эмиру г. Карса за 60,000 динаріевъ. Впрочемъ, очень скоро, уже въ 1126 г., братъ Абу-л-Сувара Фадлунъ при смѣнившемъ Давида Димитріи окружилъ Ани сильнымъ войскомъ. Ему не удалось взять Ани боемъ ¹⁾, но послѣ его торжественнаго обѣщанія хранить Ани и не нарушать завѣтовъ своего отца, Ани сдался ему; скоро Фадлунъ попытался было нарушить слово, но не успѣлъ въ этомъ.

Въ теченіе XII в. Ани нѣсколько

¹⁾ Въ отчаянной оборонѣ города участвовали и женщины, во главѣ съ прославленной за героизмъ дѣвушкой Айцямнъ.

разъ переходилъ отъ мусульманскихъ владѣтелей въ руки грузинъ; да и тогда, когда Ани оставался во власти мусульманъ, бывали случаи смѣны правителей: въ 1155 г. Ани возмутился противъ Шеддада и отдался его брату Фадлуну.

Въ 1161 г. армянскій шахъ Насирад-динъ Сукманъ II съ большимъ войскомъ осадилъ Ани; на выручку явился царь Грузіи Георгій III и со значительно меньшимъ войскомъ разбилъ шахармена; Георгій пробылъ въ Ани нѣсколько дней и оставилъ тутъ гарнизонъ во главѣ съ эмиромъ.

Въ 1163 г. Ани испыталъ тридцатидневную осаду, когда его обложили войска сельджукскаго султана Арсланъ-шаха и атабега Ильдигиза; имъ удалось одержать верхъ надъ Георгиемъ; хотя Ани взять не былъ, онъ все же перешелъ во власть Арсланъ-шаха.

Въ 1174 г. Ани опять оказался въ рукахъ грузинъ, власть которыхъ утвердилась въ немъ довольно прочно. При томъ же Георгии III начальникомъ гарнизона въ Ани Дадіаномъ Шанше была произведена попытка къ возстанію, но она была быстро подавлена царемъ, назначившимъ правителями князя Ивана Орбеліана и князя Саргиса Долгорукскаго. При преемницѣ Георгія царицѣ Тамарѣ правителями Ани стали братья

Иване и Захаря, сыновья Саргиса, занимавшие высшія должности въ грузинскомъ царствѣ.

Братья Долгорукие принадлежали къ выдвинувшемуся недавно армянскому княжескому роду, вѣроятно—курдскаго происхожденія. Военные успѣхи братьевъ Долгорукихъ не мало способствовали упроченію ихъ положенія въ Ани. Весьма типиченъ эпизодъ съ ардебильскимъ султаномъ. Въ 1209 г. ардебильскій султанъ, воспользовавшись отсутствіемъ Долгорукихъ подступилъ къ Ани, въ день Пасхи ворвался въ открытыя ворота города и предалъ его страшному опустошенію; не спаслись и тѣ жители, которые спрятались въ пещерахъ; въ однѣхъ церквахъ было, будто бы, убито 12,000 человѣкъ. Узнавъ объ этомъ, Долгорукие быстро собрали войска, заручившись помощью царицы, разграбили Ардебиль, перебили тамъ до 12,000 чел., взяли султана и его семью и съ богатой добычей вернулись въ Ани.

Но помимо этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ были и внутреннія причины, по которымъ князья Долгорукие и ихъ потомки получили въ Ани силу и значеніе автономныхъ правителей, чуть ли не царей. Съ паденіемъ армянской царской династіи въ Ани и родствен-

ныхъ ей Лорійскихъ государей, выдвинулись отдѣльные новые роды и мелкія княжества, какъ на примѣръ Хаченъ и тотъ же возрожденный Лори. Среди этихъ новыхъ родовъ наиболѣе сильными оказались Долгорукие, къ тому же родившіеся съ Хаченскимъ домомъ. Первымъ рѣшительнымъ шагомъ Долгорукихъ былъ захватъ Лори, на который они могли заявить свои права и на основаніи своей прежней службы Лорійскимъ царямъ. Права Долгорукихъ на Лори были признаны и грузинской царицей Тамарой. Вліяніе Долгорукихъ было давно упрочено въ этихъ владѣніяхъ. Санкція со стороны царицы Тамары тѣмъ не менѣе была чрезвычайно важнымъ для дальнѣйшей судьбы Долгорукихъ фактомъ. Такимъ образомъ, армянскія области не только получали полный покой со стороны могущественной тогда сѣверной сосѣдки, но онѣ оказались подъ ея ближайшимъ покровительствомъ. Каково бы ни было, впрочемъ, положеніе Долгорукихъ при грузинскомъ дворѣ, армяне въ ихъ владѣніяхъ, составлявшихъ части коренной Арменіи, чувствовали себя независимыми хозяевами; особенно сильно было развито это чувство вольности въ Ани. Если бы не свидѣтельства грузинскихъ и армянскихъ историковъ

мы не могли бы и думать о какой-либо зависимости Ани отъ грузинъ. Дѣйствительно, на мѣстѣ, въ Ани ни въ надписяхъ, ни на другихъ памятникахъ совершенно не отразилось политическое господство Грузіи, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще не обнаружены соотвѣтственные признаки ¹⁾; весьма возможно, что это господство носило лишь характеръ покровительства.

Вообще, въ эпоху политической зависимости съ половины XI в. по XIV в. Ани не перестаетъ цвѣсти и развиваться какъ армянскій городъ. Иногда самая зависимость, никогда не ставившая Ани въ состояніе духовной и экономической порабощенности, изъ номинальной становилась призрачной. Это особенно случалось, когда въ силу тѣхъ или другихъ политическихъ соображеній побѣдители считали нужнымъ поручать управленіе городомъ отдѣльнымъ княжескимъ родамъ. Иноземные и иновѣрные правители Ани, разъ они утверждались въ немъ, обыкновенно снискивали расположеніе аницевъ неукоснительнымъ соблюденіемъ законности и широкою терпимостью къ мѣстнымъ учрежденіямъ.

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ крайне интересна грузинская надпись, найденная въ 1910 г., о которой рѣчь будетъ ниже.

Такое положеніе вещей явствуеть изъ изученія и армянскихъ и иноземныхъ литературныхъ памятниковъ; оно же подтверждается современными вещественными памятниками и постройками.

Полное самоуправленіе Ани характеризуется такъ же и тѣмъ совѣтомъ старѣйшинъ, который вѣдалъ всѣми дѣлами города и мнѣніе котораго имѣло едва ли не больше значенія чѣмъ желанія и взгляды правителей. Этотъ совѣтъ старѣйшинъ, о возникновеніи котораго пока не имѣется свѣдѣній, во всякомъ случаѣ существовалъ во все время господства въ Ани Шеддадидовъ, грузинскихъ намѣстниковъ и Долгорукихъ.

Съ дѣятельностью Долгорукихъ въ Ани связано сооруженіе какъ отдѣльныхъ выдающихся зданій такъ и общегородскихъ сооруженій, въ частности—укрѣпленій. Надписи удостовѣряють обновленіе въ эту эпоху многихъ участковъ городской стѣны и возведеніе многочисленныхъ новыхъ башенъ. Едва-ли не къ этому же времени относится сооруженіе въ Ани прекраснаго одноарочнаго моста, вѣроятно на мѣстѣ другого, болѣе древняго. Въ XIII в. городъ достигъ наибольшихъ размѣровъ; въ немъ числилось по словамъ историковъ

свыше 100,000 жителей, 10,000 домовъ и—эта цифра пользуется особенной популярностью—1001 церковь; дѣйстви-тельно церквей въ Ани очень много. Изъ культурно-научныхъ учрежденій должна быть упомянута академія въ Дыпре-ванкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ани.

Могущество Долгорукихъ въ Ани положило предѣлъ нашествію монго-ловъ, въ теченіе короткаго времени наводнившихъ значительную часть Кав-каза. Въ 1236 г. сильное монгольское войско обложило Ани. Послы, отпра-вленные монголами къ правителю Ани Шааншаху Долгорукому ¹⁾ съ предло-женіемъ сдаться, были убиты. Тогда монголы взяли городъ приступомъ и предали его ужасному разгрому. Взя-тіе Ани монголами не вызвало немед-ленной смѣны правителей, „пароновъ“, какъ они назывались въ то время. Лишь съ теченіемъ времени Долгорукіе уступили свое мѣсто другимъ князь-ямъ, обыкновенно армянамъ, назна-чавшимся властью монгольскихъ ха-

¹⁾ Это тотъ самый Шааншахъ, съ ко-торымъ видѣлся извѣстный европейскій пу-тешественникъ Рубрукъ, посѣтившій по пути въ Монголію Ани и встрѣтившій тутъ еще другихъ миссіонеровъ.

новъ, удѣльнымъ владѣниемъ (хасинджу) которыхъ сталъ Ани.

Въ послѣдующую эпоху Ани переходитъ отъ одной монгольской династии къ другой и продолжаетъ существовать въ качествѣ города до XV в., въ серединѣ котораго въ Ани еще чеканилась золотая монета.

Трудно сказать что вызвало окончательную гибель Ани, въ XVI в. представлявшаго собою уже только деревню. Рѣшительный ударъ городу былъ причиненъ, вѣроятно, нашествіемъ Тимура; но, конечно, еще большее значеніе имѣло выселеніе изъ Ани жителей, терроризованныхъ непрерывными нашествиями и рядомъ ужасныхъ землетрясеніи, разразившихся въ Ани. По преданію, подтверждаемому и древними источниками, жители Ани переселились на югъ Россіи, оттуда прошли на западъ и основались въ Галиціи и Польшѣ.

Съ XVIII в. Ани, уже въ видѣ развалинъ, принадлежалъ турецкимъ бекамъ Хатунъ-оглы, послѣдній изъ которыхъ еще живъ. Послѣ войны 1878 г. территория Ани вмѣстѣ со всей Карсской областью перешла во владѣніе Россіи.

III.

Въ настоящее время Ани представляетъ собою никѣмъ не населенная

развалины, разбросанныя на неправильномъ треугольникѣ, площадью свыше 150 десятинъ. Если подходить къ Ани съ сѣвера, то на нѣкоторомъ разстояніи онъ не производитъ того впечатлѣнія полной пустоты, которое охватываетъ входящаго въ городище: высокія, нѣкогда грозныя, городскія стѣны отчасти скрываютъ внутренность города.

Стѣны эти называются Смбатовыми и сооруженіе ихъ приписывается Смбату II; но онѣ не сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ. Стѣны царя Смбата съ теченіемъ времени постоянно обновлялись и утолщались, увеличивалось и число башенъ. Мѣстами, гдѣ позднѣйшая облицовка обвалилась, видна болѣе древняя кладка, причемъ иногда обнаруживается три и даже четыре слоя облицовокъ. Смбатовы стѣны, какъ и всѣ другіе анійскіе памятники, отличаются изяществомъ и тщательностью кладки ровныхъ прямоугольныхъ гладко обтесанныхъ и совершенно плотно пригнанныхъ камней. Для оживленія вида стѣнъ въ кладку мѣстами употребленъ помимо желтаго камня еще красный и черный, обычные для другихъ анійскихъ зданій; эти цвѣтные камни либо составляютъ пояса на башняхъ, либо сложены въ шахмат-

номъ порядкѣ, либо образуютъ различныя фигуры, преимущественно кресты. Несмотря на то, что во многихъ мѣстахъ стѣны несутъ слѣды жаркаго боя и изрыты стрѣлами, таранами и метательными снарядами, на нихъ сохранились украшения барельефами, представляющими орла, драконовъ и бычьи головы, и даже остатки стеклянныхъ или фаянсовыхъ полушарій, вставленныхъ въ отдѣльные камни. Стѣны Ани наилучше характеризуютъ стремление анійцевъ все, что только можно, украшать, подчасъ самымъ замысловатымъ образомъ. Отъ такихъ украшеній долженъ быть отличенъ находящійся около Главныхъ воротъ города, барельефъ бѣгущаго тигра съ шаромъ и крестомъ надъ нимъ: это должно быть гербъ Ани (въ XIII в.). Помимо Главныхъ воротъ войти во внутрь города можно черезъ нѣсколько другихъ воротъ и калитокъ.

Внутренность города представляетъ печальное зрѣлище. Отъ большинства зданій остались лишь болѣе и менѣе высокіе холмы либо глубокіе провалы; лишь кое-гдѣ возвышаются отдѣльные уцѣлѣвшіе памятники. Среди нихъ особенное впечатлѣніе производитъ соборъ, начатый постройкой при царѣ Сибатѣ II и законченный въ 1000 г.

царицей Катрамидой, которая погребена подъ его восточной стѣной; стройные высокіе пилоны, изящныя, слегка сломанныя арки, мрачныя придѣлы на востокѣ, открытое небо вмѣсто купола—норазражаютъ вошедшаго въ храмъ; видъ собора снаружи нѣсколько портитъ отсутствіе купола, обрушившагося, по преданію въ 1319 г. во время страшнаго землетрясенія, губительно отразившагося на многихъ памятникахъ Кавказа.

На востокъ отъ собора возвышается башнеобразная многогранная церковь Спасителя, построенная въ первой половинѣ XI в. и возобновленная во второй половинѣ XIII в.; этотъ интересный видъ церквей съ нѣсколькими большими абсидами, одна изъ которыхъ бываетъ использована для алтаря, довольно рѣдокъ въ Арменіи, но въ Ани есть еще такая же церковка; она находится въ другой сторонѣ отъ собора, надъ ущельемъ рѣчки, и принадлежала роду князей Аbugамренцъ; она построена почти одновременно съ церковью Спасителя, которая была возведена однимъ изъ представителей того же рода. И въ церкви св. Григорія Аbugамренцъ и въ храмѣ Спасителя имѣются остатки фресокъ, въ первой—почти совершенно стершихся; въ

церкви Спасителя фрески были написаны въ концѣ XIII в. и, принимая во вниманіе рѣдкость фресокъ въ Арменіи, очень интересны. Но ни по исполненію, ни по сохранности онѣ не могутъ соперничать съ росписью другой анійской церкви; она лежитъ на склонѣ ущелья Ахуряна, немного ниже Спасителя и была выстроена въ 1215 г. богатымъ анійскимъ княземъ изъ армянъ-халкедонитовъ Тиграномъ hОненцомъ, приближеннымъ братьевъ Долгорукихъ. Снаружи она украшена тонкой рѣзбой, изображающей различныхъ звѣрей среди перелетающихъ растительныхъ побѣговъ, а внутри вся расписана; фрески представляютъ евангельскія сцены и рядъ моментовъ изъ жизни св. Григорія Просвѣтителя Арменіи, во имя котораго освященъ этотъ храмъ. Эта церковь Тиграна hОненца— одинъ изъ лучшихъ памятниковъ Ани.

Тотъ же Тигранъ hОнецъ построилъ маленькій монастырь, лежащій тоже на склонѣ ущелья; этотъ живописный уголокъ Ани украшенъ крошечной изящной часовенькой-башенькой, представляющей церковь Спасителя въ миниатюрѣ. Монастырь этотъ обыкновенно называется Дѣвичьимъ. Впрочемъ, то же названіе придается и уединенной церкви на самомъ краю

Ани, на высокомъ скалистомъ полуостровѣ; одинокая башня, возвышающаяся на краю вершины полуострова, какъ и вся эта скала, называется Дѣвичьей крѣпостью. Церковь въ Дѣвичьей крѣпости, сохранившаяся сравнительно очень плохо, обильно украшенная превосходной рѣзьбой и покрытая многочисленными надписями, связана со строительской дѣятельностью братьевъ Долгорукихъ; какъ передаетъ надпись, церковь эта была построена на мѣстѣ храма, сооруженнаго св. Григоріемъ Просвѣтителемъ Арменіи по разрушеніи бывшаго тутъ капища богини Анаиты.

Между полуостровомъ и главной частью города на довольно высокомъ холмѣ расположена цитадель Ани. Ея центральную часть занимаетъ царскій дворецъ. На краю верхушки стоитъ довольно хорошо сохранившаяся базиличная церковка: это самое древнее строеніе въ Ани имѣетъ на себѣ армянскую надпись 622 г. по Р. X. и много крайне любопытныхъ орнаментовъ, весьма типичныхъ для этой отдаленной эпохи армянскаго искусства. Кромѣ этой церкви въ крѣпости есть еще двѣ, изъ которыхъ одна, украшенная порталомъ, полнымъ переживаніи античнаго искусства, отно-

сится къ началу XI в.; другая, приблизительно современная ей, тоже имѣеть много интереснаго въ подробностяхъ.

Почти на серединѣ разстоянія между цитаделью и соборомъ на обрывѣ ущелья р. Ахуряна стоитъ двухъэтажная мечеть съ высокимъ многограннымъ минаретомъ. Мечеть съ ея рядами массивныхъ колоннъ, увѣнчанныхъ громадными капителями, и великолѣпнымъ потолкомъ, разбитымъ на плоскіе квадраты, заполненные мозаичной кладкой разноцвѣтнаго камня—лучшее украшеніе Ани. Это зданіе было обращено въ мечеть эмиромъ Мануче, возобновившимъ и нѣсколько передѣлавшимъ его, а раньше оно служило для неизвѣстной намъ цѣли, вѣроятно стояло въ связи съ близлежащей городской стѣной Ашота и мостомъ черезъ Ахурянь; одинъ изъ двухъ мостовъ, слѣды которыхъ сохранились въ предѣлахъ города, находится какъ разъ подъ мечетью; онъ имѣлъ одну арку съ пролетомъ въ 14 саж.

На сѣверо-западъ отъ собора, недалеко отъ груды обломковъ минарета второй анійской мечети, находятся развалины церкви св. Апостоловъ и ея притвора. Притворъ (XII в.) сохранился неизмѣримо лучше чѣмъ самая церковь (X в.) и своимъ мозаичнымъ

плоскимъ потолокомъ и рѣзнымъ порталомъ со сталактитовой нишей въ серединѣ производитъ величественное впечатлѣнiе; его великолѣпный сталактитовый куполь съ маленькимъ окномъ вверху буквально висѣлъ на четырехъ стройныхъ и крутыхъ аркахъ, изъ коихъ двѣ уже рухнули. Эта игривая орнаментика XII вѣка мало гармонируетъ со строгими порталами самой церкви, украшенными такъ же, какъ въ крѣпостной церкви— акантами, овами и бусами. По тонкости выполненiя рѣзбы на порталѣ притворъ церкви свв. Апостоловъ далеко уступаетъ фасаду княжескаго дворца (XII—XIII вв.), расположеннаго на обрывѣ ущелья Аниискон рѣчки. Фасадъ дворца былъ выложенъ рѣзными звѣздами и крестами, теперь къ сожалѣнiю сильно ободранными; это громадное зданiе имѣло три этажа, изъ которыхъ нижнiй, отчасти находящiйся въ землѣ и полутемный, перекрытъ высокими сводами.

Если еще упомянуть о маленькой базиличной грузинской церковкѣ, возвышающейсѧ на сѣверъ отъ церкви свв. Апостоловъ, то этимъ исчерпывается перечень всѣхъ памятниковъ Ани, стоящихъ на поверхности земли. Впрочемъ за стѣнами города имѣются

еще одна-двѣ развалины, между прочимъ маленькая очень изящная и исключительная по своей конструкции двухъэтажная церковь, называемая обыкновенно Пастушьей. Да и внутри города есть еще цѣлый рядъ отдѣльныхъ сооружений изъ колоссальныхъ глыбъ дикаго, твердаго камня; сооружения эти (маслобойни, вѣрнѣе — маслодавилни) производятъ впечатлѣніе циклопическихъ построекъ, за каковыя ихъ подчасъ и принимаютъ.

Такую же баснословную древность иногда приписываютъ многочисленнымъ искусственнымъ пещерамъ, которыми изрыты всѣ анійскія ущелья, а особенно ущелье Аниской рѣчки; но, конечно, всѣ эти пещерныя жилища, имѣющія иногда по нѣскольку комнатъ, относятся къ гораздо болѣе поздней порѣ, ко времени Ани - города, когда въ нихъ селились граждане, не имѣвшіе возможности жить наверху, въ оградѣ стѣнъ. Въ пору расцвѣта Ани въ пещерахъ были устроены и обширныя ослепы.

Эти пещеры не слѣдуетъ смѣшивать съ такъ называемымъ „Подземнымъ Ани“, однимъ изъ многочисленныхъ анискихъ подземныхъ ходовъ. Всѣ эти ходы были устроены, вѣроятно, съ военной цѣлью; самый большой изъ нихъ —

„Подземный Ани“, прерывающийся на серединѣ своей длины огромной залой съ низкимъ потолкомъ, покоящимся на нѣсколькихъ каменныхъ столбахъ. Значительная часть „Подземнаго Ани“ завалена и нуждается въ раскопкахъ.

Но еще болѣе необходимы раскопки надземнаго Ани, лучшіе памятники котораго, какъ выясняется, скрыты наноснымъ пескомъ.

IV.

Первыя систематическія раскопки ¹⁾ въ Ани были предприняты въ 1892 г. проф. С.-Петербургскаго Университета Н. Я. Марромъ, повторившимъ свой опытъ и въ 1893 г. Раскопки эти, по размѣрамъ очень небольшія, вскрыли много интереснаго, какъ остатки церкви св. Григорія, миниатюрной копии церкви, сооруженной Тиграмомъ нОненцомъ; остатки еще двухъ церквей; цѣлый небольшой кварталъ бѣдныхъ домовъ и, наконецъ,

¹⁾ Раскопки въ Ани, начатыя по инициативѣ и на средства Императорской Археологической Коммиссии, съ тѣхъ поръ ведутся почти исключительно на армянскія общественныя средства, на суммы отпускаемыя частными лицами и различными общественными учреждениями, а главнымъ образомъ—Совѣтомъ по управленію имуществами Санктпетербургскихъ армянскихъ церквей.

общественныя бани. Раскопки одако же были прекращены Н. Я. Марромъ, такъ какъ имъ было признано крайне нежелательнымъ вывозить мелкія вещественныя находки изъ предѣловъ городища и, тѣмъ болѣе, бросать на произволъ судьбы архитектурныя части, орнаменты, надписи и т. п.

Лишь въ 1904 г., когда явилась матеріальная возможность приспособить мечеть Мануче подъ музей, раскопки возобновились и съ тѣхъ поръ ведутся ежегодно въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Раскопки эти дали весьма богатые въ научномъ отношеніи находки, причемъ всѣ онѣ хранятся на мѣстѣ. Уже въ 1908 г. пришлось выстроить специальное зданіе для музея, а теперь и оно переполнено, и проектируется новое, болѣе помѣстительное хранилище.

Раскопки 1904 г. обнаружили линію стѣнъ постройки царя Ашота, невысокихъ по сравненію съ Смбаатовыми, но мощныхъ и крѣпкихъ, сложенныхъ изъ довольно большихъ красныхъ камней. Опытъ раскопокъ у главной Смбаатовой стѣны былъ сдѣланъ въ 1907 г.; начатая тогда раскопка Карсскихъ воротъ была закончена въ 1910 г. Ворота, прежде совершенно скрытыя, теперь обнаружены вполне; надежды на большія находки предме-

товъ вооруженія тутъ не оправдались, хотя найдено довольно много различныхъ стрѣлъ. Главное значеніе этой раскопки заключается въ томъ, что она обнаружила впервые остатки одной изъ важнѣйшихъ частей городскихъ укрѣпленій, а именно створокъ воротъ. По большому числу гвоздей съ крупными шляпками можно судить о томъ, какъ густо были убиты ими ворота, обтянутыя толстымъ листовымъ желѣзомъ, отъ котораго сохранились лишь жалкіе остатки; значительная толщина досокъ, набитыхъ на пояса, ясно показана весьма крупными костылями, на концахъ дважды согнутыми и загнанными въ дерево. Ворота замыкались толстыми брусьями, вѣрнѣе — бревнами, стянутыми на концахъ обручами. При внимательномъ изслѣдованіи по этимъ остаткамъ можно вполне реставрировать видъ воротъ.

Въ 1910 г. были расчищены и Главная городскія ворота; отсюда раскопки направлялись по главной улицѣ города, шедшей къ цитадели. Участокъ этой улицы въ старомъ городѣ, внутри Ашотовыхъ стѣнъ, былъ раскопанъ еще въ 1908 и 1909 гг. На улицѣ всѣ дома снесены почти до основанія, за исключеніемъ одного-двухъ рядовъ кладки; на участкѣ передъ мечетью

Мануچه стѣны сохранились въ сравнительно лучшемъ состояніи, и эта часть улицы производитъ наиболѣе сильное впечатлѣніе. Ни на одномъ изъ раскопанныхъ участковъ не было найдено слѣдовъ большихъ сооружений, кромѣ гостиницы, о которой рѣчь будетъ ниже. Крайне интересны и характерны для восточнаго города открытыя маленькія террасы, выходившія на улицу и занимавшія добрую ея половину, а также внѣшнія висящія каменные лѣстницы. Обнаружены были большія глыбы дикаго камня, предохранявшія углы зданій отъ порчи при быстрой ѣздѣ, плиты, защищавшія входы въ дома отъ потоковъ дождевой воды и низенькіе парапеты для сидѣнія (мастаба), мѣстами вполне соотвѣтствующіе по своему виду нынѣшнимъ тротуарамъ. Слѣды мостовой на значительной части улицы обнаружены не были, что въ извѣстной мѣрѣ можетъ быть объяснено тѣмъ, что раскопанный уровень не вездѣ соотвѣтствуетъ грунту древнѣйшаго города. Передъ Главными воротами улица была вымощена довольно крупными дикими камнями, а дальше по направлению къ крѣпости на значительномъ протяженіи шло прекрасное шоссе, мостовая изъ мелкаго весьма плотно

убитаго щебня; еще дальше на раскопанной прежде части улицы сохранилась полоса очень хорошей мостовой изъ небольшихъ довольно ровныхъ каменныхъ плитъ.

Въ 1910 г. была обнаружена площадь, первая въ Ани, интересная и тѣмъ, что на ея мѣстѣ, но въ болѣе глубокомъ слоѣ, возвышалось обширное зданіе, которое однако же не удалось окопать въ этомъ году.

На улицѣ, вѣрнѣе подъ улицей, обнаруженъ древній водопроводъ; это—продолженіе той линіи, которая была открыта еще въ 1904 г. за стѣнами города и шла отъ родника въ сел. Согутлю; въ 1908 и 1909 гг. уже былъ вскрытъ водопроводъ на улицѣ. Въ 1910 г. водопроводъ обнаруженъ еще въ трехъ мѣстахъ и трехъ различныхъ типовъ. У стѣнъ Ашота—ранѣе извѣстный типъ съ обыкновенными трубами, обложенными камнями. Передъ гостиницей—того же характера, но съ иными трубами: бочковидными, обтянутыми тремя условными глиняными обручами.

Самое интересное водопроводное сооруженіе найдено на значительной глубинѣ на улицѣ противъ церкви свв. Апостоловъ: трубы очень рѣдкой формы, сплюснутыя сверху внизъ,

уложены въ прекрасно сработанные и плотно пригнанные каменные желоба; рядомъ шла обложенная камнями канава, достаточно широкая для того, чтобы въ ней могъ ползти человѣкъ; она могла служить либо для стока воды, либо для наблюденія за исправностью водопровода.

Кромѣ того внѣ города найдена линия трубъ, шедшихъ отъ родника въ ущельѣ къ городу. Такимъ образомъ вода подавалась въ городъ не исключительно изъ согутлинскаго источника, отстоящаго на 12 верстѣ; водопроводомъ были использованы также и ближайшіе родники.

Систематическія находки все новыхъ и новыхъ линій водопровода, притомъ различныхъ типовъ, обѣщаютъ дать въ общемъ богатый матеріалъ и требуютъ спеціальнаго изслѣдованія; только тогда въ достаточной степени будетъ представлена картина этого грандіознаго сооруженія, въ систему котораго входятъ и мельчайшія отвлѣтленія глиняныхъ и желѣзныхъ трубъ, найденныхъ въ царскомъ дворцѣ. Не нужно при этомъ забывать, что аніискій водопроводъ былъ сооруженъ до начала XI в., когда онъ уже возобновлялся.

Помимо этихъ обще-городскихъ сооруженій, раскопками было обнаружено

еще нѣсколько отдѣльныхъ зданій прежде всего въ 1905 и въ 1906 гг. развалины огромнаго круглаго храма, сооруженнаго царемъ Гагикомъ I въ 1001—1015 гг. Этотъ величественный храмъ, главную особенность котораго составляли стройныя колонны, расположенныя въ видѣ вписаннаго въ кругъ креста, имѣлъ три этажа; и размѣрами (выш. около 48 метр.) и всѣмъ своимъ видомъ, колоннами, и богатыми орнаментами онъ казался очевидцамъ чѣмъ-то исключительнымъ. Дѣйствительно это зданіе не знаетъ себѣ равнаго въ Ани, да и вообще въ армянскомъ искусствѣ это очень рѣдкій типъ, пока насчитывающій лишь три-четыре представителя; самый древній изъ подобныхъ храмовъ—церковь Бдящихъ силъ (VII в.) близъ Эчмиадзинскаго монастыря (въ Эриванской губ.) послужилъ образцомъ для Гагикова сооруженія. На стѣнѣ храма снаружи была прикрѣплена большая (3¹/₄ арш. выш.) раскрашенная каменная статуя Гагика. Царь представленъ въ красномъ халатѣ, съ крестомъ на груди, въ большой пышной чалмѣ, даръ халифа, и съ точной моделью построенной имъ церкви на рукахъ; бородатое лицо Гагика имѣетъ выраженіе силы и нѣкоторой суровости. Статуя хранится въ Анійскомъ музеѣ.

Вокругъ храма Гагика былъ раскопанъ обширный кварталъ бѣдныхъ домиковъ; съ запада отчасти обнаружены остатки большого дома и части его великолѣпнаго портала изъ мозаично сложенныхъ звѣздъ и ромбовъ, покрытыхъ рѣзьбою самага разнообразнаго рисунка.

Раскопки 1907 и 1908 гг. по размѣрамъ были еще болѣе обширны. Раскопанъ былъ дворецъ въ вышгородѣ, сооруженный при царяхъ, но позже (до XIII в.) передѣлывавшійся и обновлявшійся. Его стѣны, теперь жалкія и облупившіяся, нѣкогда были покрыты богатыми украшениями. Въ одной залѣ была превосходная лѣпная штукатурка, представляющая животныхъ въ рамочкахъ растительнаго рисунка. Въ другой залѣ, базиличной, стѣны были расписаны картинами военнаго или охотничьяго содержанія; стѣны помимо росписи были покрыты толстымъ слоемъ позолоты; тутъ же была деревянная аркатура, украшенная тонкой рѣзьбой. Потолокъ также былъ покрытъ рѣзьбой, но уже не растительнаго и звѣринаго рисунка, а геометрическаго. Во дворцѣ же были найдены дощечки съ тонкой росписью красками. Конечно, всѣ эти остатки богатѣйшаго убранства дворца пред-

ставлены въ самомъ жалкомъ видѣ, но по нимъ вполне можно выяснитъ и возстановитъ общій характеръ зданія. Въ одномъ изъ уголковъ дворца помѣщалась небольшая, не очень удобная баня съ предбанникомъ, бассейномъ, каменными корытами и двумя комнатками-грѣлками; отъ большого котла сохранилось только гнѣздо; стѣны бани пересѣчены задѣланными въ кладку тонкими трубами для горячей и холодной воды, особая толстая труба подавала весь нужный запасъ воды, а другая, такая же, служила для стока. Одна изъ залъ дворца во второмъ этажѣ, судя по ея размѣрамъ и строгости архитектуры, служила не для жилья, а для приемовъ. Дворецъ пока раскопанъ не весь.

Въ 1907 г. кромѣ дворца была раскопана недалеко отъ церкви свв. Апостоловъ большая гостиница, состоявшая изъ двухъ просторныхъ залъ съ каменнымъ поломъ. Въ серединѣ залъ стояло по водоему; вокругъ тянулся высокій парапетъ для сидѣнья и разгрузки вьючныхъ животныхъ, на который выходили двери маленькихъ комнатокъ-„номеровъ“. Лучшимъ украшеніемъ гостиницы, вообще превосходно построенной, былъ порталъ, гдѣ мозаика рѣзныхъ звѣздъ, ромбовъ,

крестовъ, многоугольниковъ разнообразнаго рисунка сочеталась съ барельефами сфинксовъ, драконовъ и барсовъ. Эта гостиница—характерный памятникъ XII—XIII вв.

Раскопками 1909 г. была очищена церковь свв. Апостоловъ, отчасти ея притворъ и обширная площадь вокругъ нея, гдѣ между прочимъ была найдена маленькая церковка VII—VIII вв. и интересный памятникъ владыки Василия 1184 года. Лучшимъ приобретениемъ изъ этихъ раскопокъ является рѣдкій крестовидный планъ церкви свв. Апостоловъ и остатки главнаго изъ ея пяти куполовъ, почти единственнаго въ армянскомъ искусствѣ: онъ снаружи покрытъ украшениями.

За время раскопокъ кромѣ всѣхъ этихъ большихъ памятниковъ обнаружено еще много болѣе мелкихъ зданій, перечислять которыя слишкомъ долго.

V.

Какъ уже было сказано, всѣ предметы, добытые раскопками, хранятся на мѣстѣ въ музеѣ. Тутъ за сравнительно короткое время удалось уже собрать очень много для характеристики обстановки жизни въ Ани. Всѣ части орнаментаціи дворца,—пока единственные остатки свѣтскихъ жилищъ, предста-

вляють величайшій інтересъ. Было-бы очень важно пополнить этотъ отдѣлъ предметами мебелировки, но въ этомъ отношеніи раскопки крайне бѣдны результатами; кромѣ небольшого каменнаго стульчика (весьма типичнаго для XII или XIII вѣка), найденнаго въ бѣдномъ кварталѣ, и самыхъ жалкихъ остатковъ рѣзнаго деревяннаго ложа, покрытаго тканымъ ковромъ и стеганнымъ ватнымъ одѣяломъ, обнаруженныхъ во дворцѣ, не добыто ничего; въ одной гробницѣ найденъ еще другой кусокъ ковра съ узорами (XIII в.), несравненно лучше сохранившійся.

Цѣнная находка была сдѣлана въ 1908 г.: найдено полное шелковое платье съ золотыми вышивками, вуаль съ тонкимъ шитьемъ шелками и золотомъ, кушачекъ изъ шелковаго шнура и еще кое-какія мелочи маленькой княжны, родственницы уже не разъ упоминавшагося Тиграна и Оненца; и эта ткань и часть шелковой рубахи другого сородича того же Тиграна удивляютъ тонкостью работы. Много мѣдныхъ и бронзовыхъ браслетовъ, а также колець и перстней, между послѣдними—одинъ серебряный, найдено во время раскопокъ въ другихъ мѣстахъ Ани.

Единственный остатокъ боевого одѣя-
нія—кожаная рубаха, надѣвавшаяся на
панцырь, со слѣдами превосходныхъ
вышивокъ золотыми и серебряными
нитками. Предметовъ вооруженія тоже
немного: большой мечъ (XI—XII вв.),
тройное копье съ крючьями (того же
времени), нѣсколько наконечниковъ-
отъ дротиковъ и болѣе 750 наконечни-
ковъ стрѣлъ (пяти, если не болѣе, различ-
ныхъ видовъ), и наконецъ два набалдаш-
ника съ булавы или палицы. Любопытная
въ боевомъ отношеніи находка была
сдѣлана въ 1910 году у стѣнъ Ашота,
гдѣ найденъ костякъ воина-копейщика;
онъ былъ раненъ въ ногу желѣзнымъ
оружіемъ; смерть была причинена ему
каменнымъ ядромъ, разрушившимъ по-
ловину черепа и засѣвшимъ въ немъ;
въ довершеніе всего воинъ былъ об-
литъ варомъ. Это второй случай на-
хождения въ Ани непогребеннаго чело-
вѣка вмѣстѣ съ оружіемъ, прекратив-
шимъ его жизнь; въ 1908 г. въ выш-
городѣ найденъ черепъ очень молодого
мужчины (а можетъ быть даже женщины)
съ засѣвшимъ внутри наконечникомъ
дротика и съ глубокимъ рубцомъ на
лобной кости. Много оружія вѣроятно
будетъ найдено подъ Смбаговскими
стѣнами, особенно подъ тѣми башнями,
которыя обрушились давно.

Больше всего въ Ани добыто остатковъ посуды, конечно, главнымъ образомъ не цѣлыхъ экземпляровъ, а обломковъ. Анійскій музей уже можетъ гордиться своей керамической коллекцией. Представлены всѣ роды керамики, отъ обыкновенной глиняной и до роскошной фарфоровой. Среди простой глиняной посуды особенно интересны большіе крашеные кувшины (карасы) съ пояснымъ орнаментомъ, геометрическимъ или изображающимъ бытовые сценки. Въ 1910 г. найдена верхняя часть такого караса съ пояснымъ орнаментомъ и крупными стилизованными изображеніями парныхъ львовъ, шествующихъ другъ другу навстрѣчу; послѣдняя подробность тѣсно связываетъ подобные карасы съ кавказскими мѣдными и бронзовыми котлами. Фарфоровые экземпляры, замѣчательные прозрачностью стѣнокъ и тонкостью выцарапаннаго и рельефнаго рисунка, и фаянсовые, съ ихъ богатѣйшей и разнообразной росписью красками и золотомъ, а также съ прозрачнымъ вдавленнымъ и рельефнымъ орнаментомъ, найдены преимущественно въ раскопкахъ дворца. Громадное большинство обломковъ посуды—поливные, отличающіеся высокимъ качествомъ поливы (не менѣе 5 различныхъ ви-

довъ) а также художественностью исполнения и яркостью красокъ. Количество найденныхъ обломковъ посуды исчисляется уже нѣсколькими тысячами.

Отъ обыкновенной посуды должны быть отличены особые, обыкновенно яйцевидные, сосуды (XI—XIV вв.) съ очень узкимъ устьемъ и толстыми стѣнками, покрытые разнообразными весьма мелкими рельефными украшениями. Вѣроятно же всего, что это—туалетные флаконы. Они попадаются во всѣхъ почти странахъ Передней Азии, а также въ Туркестанѣ. Раскопки 1910 года дали небывалое количество подобныхъ сосудовъ, всего 14 цѣлыхъ и 250 обломковъ; въ настоящее время англійская коллекція этихъ сосудовъ (24 цѣлыхъ и около 600 фрагментовъ) одна изъ самыхъ богатыхъ и даетъ прекрасный материалъ для изслѣдованія назначенія, а также способа и мѣста производства этихъ оригинальныхъ предметовъ. Безспорно, они фабриковались и въ Ани, хотя нѣтъ оснований признавать за этими сосудами исключительно анійское происхождение.

Въ музеѣ имѣются остатки и металлической посуды: бронзовый литой кувшинъ для омовеній (XIII в.), мѣдный прекрасно орнаментированный кувшинъ (XIII в.), литая бронзовая та-

релка съ интересными украшеніями (XIII в.), мѣдная миска, посеребренные чашки, кувшинчикъ (XI в.) и т. п.

Изъ другихъ предметовъ домашней утвари очень много найдено глиняныхъ свѣтильниковъ различной формы и величины, желѣзные свѣтильники и жаровни для куренія и даже глиняный „канделябръ“ — прорѣзной кувшинъ (обломокъ) съ нѣсколькими рядами плочекъ. Очень много найдено и стеклянныхъ обломковъ, граненыхъ и расписныхъ, и даже одинъ цѣлый флакончикъ.

Утварь церковная представлена нѣсколькими цѣнными предметами; среди нихъ первое мѣсто занимаетъ большая мѣдная люстра (XI в.) изъ храма Гагика въ видѣ вѣнца съ летящими вокругъ голубями - лампадофорами и сложной системой лампадъ внутри вѣнца; люстра эта имѣла около 120 разноцвѣтныхъ стеклянныхъ лампадъ, которыя найдены въ большомъ числѣ, но все въ обломкахъ; по конструкціи и стилю люстра исключительна. Имѣются очень интересныя бронзовые кадило и лампада (изъ храма Гагика) съ литыми изображеніями евангельскихъ сценъ, а также два мѣдныхъ чеканныхъ переносныхъ свѣтильника. Больше всего найдено мѣдныхъ и бронзовыхъ кресловъ, (цѣлыхъ и сломанныхъ) про-

стыхъ и болѣе сложныхъ и художественныхъ, между прочимъ двѣ—три мощехранительницы.

Слѣдуетъ упомянуть еще о предметахъ, относящихся къ торговой и промышленной жизни города; тутъ имѣются многочисленныя каменные гири, различныя инструменты, плотничьи, ткацкіе и др. Въ 1907 г. были найдены остатки цѣлой мастерской мелкихъ мѣдныхъ вещицъ и украшеній. Послѣднія раскопки тоже дали интересный въ этомъ отношеніи матеріалъ. Найдены остатки двухъ мѣдно-литейныхъ мастерскихъ въ видѣ каменныхъ тиглей различныхъ формъ со слѣдами мѣднаго сплава; нѣсколькихъ мастерскихъ поливной посуды, въ видѣ крупныхъ слитковъ разноцвѣтной поливы; обнаружена и мастерская поливныхъ кирпичей: полива и предметы производства, готовые и неготовые. Особенно цѣнной слѣдуетъ признать находку части каменнаго цилиндрика, при помощи котораго прокатывался поясной орнаментъ и штамповались звѣздочки и розетки на большихъ глиняныхъ кувшинахъ (карасахъ). Эта вещь особенно интересна тѣмъ, что она съ несомнѣнностью опредѣляетъ способъ и мѣсто производства этихъ типично-армянскихъ сосудовъ, въ боль-

шомъ количествѣ находимыхъ въ Ани.

Наконецъ земледѣльческій классъ анійцевъ оставилъ намъ нѣсколько лемеховъ, сошниковъ, серповъ, деревянный катокъ (доску) для молотѣбы и т. п.

Конечно въ этомъ слишкомъ краткомъ очеркѣ невозможно перечислить всѣ предметы, каждый изъ которыхъ представляетъ самостоятельный интересъ; большинство ихъ приходится обойти молчаніемъ.

Всѣ упомянутые предметы хранятся въ первомъ отдѣленіи музея, помѣщающемся въ мечети Мануче. Второе отдѣленіе, находящееся въ специальномъ зданіи, содержитъ архитектурныя части, камни, покрытые рѣзбой, среди нихъ плиты съ изображеніями крестовъ, а также надписи. Надписей въ Ани вообще очень много, главнымъ образомъ армянскихъ, а также арабскихъ и персидскихъ; раскопки обнаружили въ этомъ направленіи богатый новый матеріалъ. Греческая надпись (раск. 1907 и 1908 г.г.), которая уже упоминалась и пространная персидская надпись Абу-Саида (начало XIV в., раск. 1908 г.), трактующая, между прочимъ, о сложеніи нѣкоторыхъ податей съ анійцевъ, занимаютъ въ музѣ почетное мѣсто. Особо надо упо-

мянуть драгоценную находку 1910 г.— большую грузинскую надпись. Относясь къ цвѣтущей порѣ жизни Ани, хотя уже не столицы, къ 1218 г., она освѣщаетъ взаимныя отношенія халкедонитской части населенія съ духовенствомъ, даетъ новый материалъ для сужденія вообще о халкедонитствѣ въ Ани и характеризуетъ значеніе мѣстной власти: подъ этой грамотой грузинскаго католикоса Епифанія имѣется армянская скрѣпа представителей мѣстной духовной и свѣтской власти; научное значеніе этой надписи весьма велико и разнообразно.

Лучшее украшеніе второго отдѣленія музея, такъ же обращающее на себя вниманіе каждаго входящаго, какъ въ первомъ отдѣленіи статуя Гагика,— большая плита съ барельефнымъ изображеніемъ всадника и двухъ нѣшихъ фигуръ; это превосходное произведеніе искусства, полное силы и красоты, особенно въ фигурѣ коня, должно относиться къ древнѣйшему періоду жизни Ани, ко времени господства Камсаракановъ.

Но самый главный результатъ раскопокъ Ани не всѣ эти находки, мелкія вещи и монументальные памятники, а то неоспоримое положеніе, что нельзя судить объ Ани по не-

многому, сохранившемуся на поверхности земли, что нужно еще много изслѣдовать и копать, чтобы представить Ани такимъ, какимъ онъ былъ. Эту не легкую задачу выполнить Анійскій Археологическій Институтъ, учрежденіе котораго проектируется Императорской Академіей Наукъ. Тогда и въ глазахъ неспеціалистовъ оправдаются слова, которыми начинается акад. Н. Я. Маррь свою докладную записку объ Анійскомъ Археологическомъ Институтѣ:

„Гордость Кавказа—украшенія и сокровища, которыми надѣлила его природа. Наравнѣ съ лучшими изъ нихъ Кавказъ можетъ гордиться и однимъ культурнымъ даромъ Неба—развалинами Ани, этой крупнѣйшей жемчужиной въ его археологическомъ вѣнцѣ“.

